

~~28.1~~
~~2645~~
462818

~~28.1~~
~~2645~~

ПАМЯТИ
Дмитрія Петровича
МИЛЛЕРА

~~1917~~
~~7/3X~~

2481/2/711g

2448.4(45Kp) 708g

809

1934.

~~28. I~~
~~2645~~

ПАМ'ЯТИ

УЧО

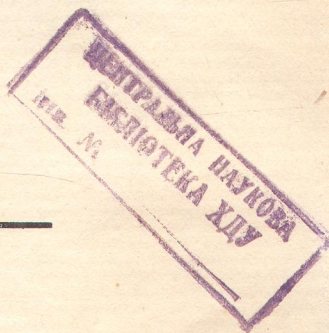
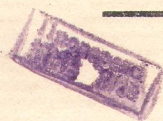
Дмитрія Петровича

МИЛЛЕРА

462818

1917
7/13 x

151

751

Отд. оттиски изъ V выпуска „Вѣстника“ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

84 79
89

Памяти Дмитрія Петровича Миллера.

(† 14 іюня 1913 года).

Какъ громомъ поразила меня вѣсть о преждевременной, неожиданной кончинѣ Дмитрія Петровича Миллера! Покойный былъ моимъ слушателемъ въ харьковскомъ университетѣ и однимъ изъ первыхъ моихъ учениковъ. Съ нимъ я связанъ былъ узами крѣпкой, никогда и ничѣмъ не омрачившейся 25-лѣтней дружбы, въ основѣ которой не мало сходства нашихъ научныхъ стремленій и интересовъ, а въ послѣдніе годы и его сотрудничество въ моихъ ученыхъ предпріятіяхъ.

Даровитый студентъ историко-филологическаго факультета, Дмитрій Петровичъ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе профессоровъ и могъ бы быть оставленъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію и, прежде всего, мною по предмету русской исторіи, которой онъ интересовался уже на студенческой скамьѣ. Но онъ плохо слышалъ, и это закрыло предъ нимъ—такъ, по-крайней мѣрѣ, онъ самъ рѣшилъ въ своей шепетильной добросовѣстности—дорогу педагога и профессора-преподавателя. Онъ блестяще выдержалъ экзаменъ, получилъ степень кандидата, но долженъ былъ пріискивать себѣ средства для существованія инымъ, не педагогическимъ трудомъ. И это создало, особенно въ началѣ, крайне трудныя условія его жизни и научной работы. Я помню то время когда онъ былъ ночнымъ корректоромъ въ „Южномъ Краѣ“—и это при слабомъ здоровьѣ. Но его не могли не замѣтить и не оцѣнить въ редакціи литературной газеты—и онъ тамъ мало-по-малу занялъ мѣсто, достойное его широкаго образованія, знаній, ума, и твердыхъ честныхъ взглядовъ на общественную жизнь. И, дѣйствительно, трудно представить себѣ человѣка, болѣе подходящаго для роли „литературнаго“ редактора, которую онъ долго занималъ въ „Южномъ Краѣ“, но дѣлалъ это съ присущею ему необычайною скромностью, такъ что широкая публика, и даже харьковская не догадывалась, кто такъ заботится въ газетѣ о выборѣ подходящаго литературнаго матеріала и о достоинствѣ его съ точки зрѣнія изложенія, ибо никто не зналъ, какимъ мастеромъ русскаго слова былъ этотъ малороссіянинъ изъ

Ахтырки, никогда не порывавшій съ роднымъ краемъ, и всегда любившій и защищавшій при этомъ и родное малорусское слово.

Будучи идейнымъ руководителемъ изданія, а въ послѣднее время и однимъ изъ редакторовъ газеты, Дмитрій Петровичъ все же, благодаря своей особой скромности, по прежнему былъ неизвѣстенъ большой публикѣ и, вѣроятно, многіе теперь только изъ некрологовъ, посвященныхъ ему сотрудниками, впервые узнали объ его крупной, выдающейся роли въ редакціи. Такова была одна сторона жизни и дѣятельности почившаго. Трудно учесть ту огромную массу интеллектуальнаго труда, который положилъ покойный на пользу газеты, и притомъ нервнаго, напряженнаго труда, отъ котораго человѣкъ въ настоящее время тѣмъ быстрѣе сгораетъ, чѣмъ ярче свѣтитъ.

Но одновременно Дмитрій Петровичъ свѣтилъ, правда, ровнымъ, тихимъ, но не меркнувшимъ свѣтомъ и въ другой, столь далекой отъ публицистики сферѣ, какъ наука. И мы, свидѣтели его научныхъ интересовъ и работъ, должны заявить, что здѣсь, главнымъ образомъ, была его душа, что научная работа мысли была его истиннымъ призваніемъ, что здѣсь особенно выпукло и ярко проявлялся его талантъ изслѣдователя и историка-художника.

Наука въ Россіи и нынѣ, какъ и прежде, двигается, главнымъ образомъ, академиками и профессорами университетовъ. Дмитрій Петровичъ представлялъ изъ себя рѣдкій типъ ученаго, официально не принадлежавшаго къ преподавательской университетской коллегіи и не имѣвшаго даже высшей ученой степени. Но онъ вошелъ въ соприкосновеніе съ научными интересами на историко-филологическомъ факультетѣ харьковскаго университета, затѣмъ питалъ, укрѣплялъ эти интересы живымъ общеніемъ съ дѣятелями науки, поддерживалъ ихъ своими занятіями въ качествѣ помощника бібліотекаря университетской бібліотеки и постоянного дѣятельнаго члена состоящаго при университетѣ харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Эти учрежденія не только замѣнили ему ту школу, которую проходятъ молодые люди, готовящіеся къ занятію каведры, но и пріобщили его къ самостоятельной разработкѣ вопросовъ изъ русской исторіи. Въ вѣдѣніи Историко-филологическаго Общества находится драгоценный Историческій архивъ, заключающій массу никѣмъ не использованныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи и Слободской Украйны. Дмитрій Петровичъ сталъ разрабатывать документы этого архива—естественно, что въ эту сторону и направились его ученые интересы. Здѣсь онъ могъ открыть новыя историческія данныя, ввести ихъ въ научный обиходъ. Но онъ не былъ узкимъ архивистомъ: обладая широкою начитанностью въ русской исторіи вообще и глубокими познаніями въ южно-русской исторіи въ частности, онъ могъ

изслѣдовать и оцѣнить всякій новый архивный документъ какъ со стороны внѣшней, такъ и со стороны внутренней исторической критики, т.-е. опредѣлить не только достовѣрность и значеніе источника, но и содержащагося въ немъ факта, поставить его въ связи съ другими извѣстными въ наукѣ фактами; онъ могъ выбирать для своихъ работъ то, что являлось цѣннымъ; наконецъ, благодаря своимъ библиотечнымъ занятіямъ, дававшимъ ему возможность знакомиться съ движеніемъ и успѣхами не только русской исторіи, но и сопредѣльныхъ съ ней отраслей знанія, у него получался тотъ широкій кругозоръ, который позволялъ ему освѣщать изслѣдуемое имъ историческое явленіе широко научной перспективой; его библиографическими познаніями пользовались не только учащаяся молодежь, но и профессора, въ особенности въ излюбленной имъ области русской исторіи; плодомъ его библиографическихъ занятій здѣсь служить составленный имъ рукописный каталогъ книгъ по русской исторіи въ университетской библіотекѣ, которымъ пользовались многіе. Горниломъ, черезъ которое онъ проводилъ свои ученые труды и дѣлалъ доклады, было харьковское Историко-филологическое Общество и всероссійскіе археологическіе съѣзды; онъ принималъ дѣятельное участіе въ ихъ трудахъ и знакомился съ ихъ участниками.

Переходя къ ученымъ трудамъ Дмитрія Петровича, я замѣчу только, что они, въ своей совокупности, оставили видный слѣдъ въ южно-русской исторіи—одна половина ихъ относится къ исторіи лѣвобережной Малороссіи, другая—къ исторіи нашего края—б. Слободской Украины.

Интересны уже первыя ученыя статьи Дмитрія Петровича, напечатанныя въ жур. „Кіевская Старина“ за 1892—1899 г.г.—„*Голштинскіе наборы въ Малороссіи*“ и „*Пикинерія*“; они основаны, главнымъ образомъ, на данныхъ нашего Историческаго архива, затрагиваютъ любопытные вопросы изъ исторіи гетманщины въ царствованіе Петра III-го и въ началѣ царствованія Екатерины II-й и рѣшаютъ ихъ на основаніи критическаго сопоставленія прежнихъ мало достовѣрныхъ свидѣтельствъ съ новыми, имъ открытыми, документальными данными.

Сюда же нужно отнести и его статью „*Хозяева и постояльцы*“ въ XVIII томѣ „Сборника харьковского Историко-филологическаго Общества“. вмѣстѣ съ покойнымъ М. М. Плохинскимъ онъ опубликовалъ въ томъ же „Сборникѣ“ (т. VI) рѣшенія Стародубскаго магистратскаго суда съ 1690-го по 1722-й годъ, которыя представляютъ значительный интересъ для исторіи такъ называемаго магдебургскаго (т.-е. нѣмецкаго) городского права въ Малороссіи. Но самыми цѣнными его мо-

нографіями по історії лѣвобережной Малороссіи нужно признать его „Очерки изъ історіи и юридическаго быта старой Малороссіи“, заключающіе два обширныя и документальныя изслѣдованія — 1) о городскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ въ Малороссіи и 2) о превращеніи казацкой старшины въ дворянство. Они удостоены были преміи имени Импер. Александра II-го на основаніи рецензіи извѣстнаго историка Малороссіи А. М. Лазаревскаго и могли бы смѣло дать автору по крайней мѣрѣ степень магистра. Въ послѣднее время Дмитрій Петровичъ много трудился надъ новою работою по внутренней історіи Малороссіи — писалъ изслѣдованіе о „*Цѣхахъ въ Малороссіи*“, которое въ виду его особаго интереса для европейскихъ ученыхъ хотѣлъ напечатать на *нѣмецкомъ языкѣ*. Я знаю, какіе цѣнные неизданные матеріалы удалось ему собрать по этому любопытному вопросу — и увѣренъ, что это изслѣдованіе могло бы представить изъ себя хорошую докторскую диссертацию.

Въ области изслѣдованія Слободской Украины ему принадлежитъ около половины 1-го и немного болѣе половины 2-го тома „Исторіи г. Харькова“, которая написана мною и имъ совмѣстно. И я долженъ по совѣсти засвидѣтельствовать, что не будь у меня такого сотрудника, какъ покойный Дмитрій Петровичъ, этотъ трудъ не могъ бы выйти въ намѣченномъ мною масштабѣ и планѣ. Въ своемъ отчетѣ объ этомъ трудѣ харьковской городской думѣ я точно указалъ главы, составленныя Дмитриемъ Петровичемъ и мною. Могу прибавить, что на его долю выпала огромная работа пересмотра всего стараго архива городской думы. Многія главы, написанныя Дмитриемъ Петровичемъ, представляютъ образцовыя изслѣдованія различныхъ сторонъ городской жизни въ ихъ эволюціонномъ развитіи. И первый, и второй томъ этого труда былъ увѣнчанъ полною преміей имени Импер. Александра II-го. Дмитрію Петровичу принадлежитъ обширная монографія объ архивахъ Харьковской губ., имъ изслѣдованныхъ и статья о В. Н. Каразинѣ. Отличительною особенностью всѣхъ сочиненій Дмитрія Петровича нужно признать помимо богатства и свѣжести ихъ содержанія также ихъ блестящее, подчасъ художественное изложеніе. Такимъ характеромъ особенно отличаются страницы, написанныя имъ для „Исторіи Россіи“ въ изданіи „Народной энциклопедіи“. Ему принадлежитъ тамъ 7 главъ (III, IV, V, IX, X, XI и XIV) изъ 17, т.-е. болѣе $\frac{1}{3}$ всей книги. Даръ популярнаго изложенія проявилъ Дмитрій Петровичъ впрочемъ еще и ранѣе въ составленныхъ имъ для Народнаго чтенія и изданныхъ харьковскимъ Обществомъ грамотности брошюрахъ — 1) Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ, и 2) А. Г. Разумовскій.

А чтобы достойно оцѣнить это духовное наслѣдіе Дмитрія Петровича, необходимо знать и понимать, что работать въ области русской исторіи онъ могъ только урывками, исключительно, можно сказать, на счетъ своего отдыха,—или ночью, послѣ тяжелыхъ занятій въ редакціи и библіотекѣ, или во время кратковременныхъ отпусковъ; обычно же и лѣтомъ онъ не могъ оставить своихъ отвѣтственныхъ работъ въ этихъ учрежденіяхъ. Что было бы, сколько бы онъ оставилъ научныхъ работъ, если бы могъ всецѣло посвятить себя имъ. Покойный представляетъ изумительный и рѣдкій примѣръ самоотверженной любви къ наукѣ и дѣятельному труду на благо общее.

Пусть же свѣтлая память о немъ служить ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ жить сознательною идейною жизнью!

Заслуженный проф. *Дм. Багалый.*

Д. П. Миллеръ, какъ историкъ украинскаго права.

Со смертью Д. П. сошелъ со сцены одинъ изъ немногочисленныхъ представителей совсѣмъ еще молодой науки исторіи украинскаго права. Д. П. не являлся основателемъ этой дисциплины; но ея рожденіе тѣсно связано съ его ученой дѣятельностью. Покойный изслѣдователь принадлежалъ еще къ старой школѣ малорусскихъ историковъ-юристовъ, которые являются больше историками, чѣмъ историками-юристами. Въ этомъ сказалось огромное вліяніе создателя школы внутренней исторіи Малороссіи покойнаго А. М. Лазаревскаго. Но въ то-же время Д. П. боролся противъ такого преобладанія исторіи и на первый планъ стремился выдвинуть юридическія нормы. Это очень важная заслуга покойнаго изслѣдователя, которая станетъ яснѣе при разсмотрѣніи того, при какихъ условіяхъ Д. П. принялся за разработку украинскаго права.

Первые намеки на научную исторію юридическаго строя Украины относятся къ 60-мъ годамъ XIX ст. Эпоха великихъ реформъ вызвала къ жизни вопросы объ опредѣленіи истинной суммы правъ (на участіе въ государственной и экономической жизни Россіи) разныхъ общественныхъ группъ, классовъ и сословій. Понятно, что въ первую голову всѣ занялись юридическимъ настоящимъ и прошлымъ крестьянства и помѣщиковъ-шляхетства и особенно перваго. Въ 1866 г. появилась замѣчательная работа А. М. Лазаревскаго о посполитыхъ въ Старой Малороссіи (Зап. Черн. Ст. Ком., в. I), въ которой вопросъ о положеніи крестьянства въ гетманщинѣ былъ положительно исчерпанъ. За этой работой потянулся длинный рядъ работъ по исторіи малорусскихъ крестьянъ и другихъ авторовъ, и самаго Лазаревскаго. Къ такимъ изслѣдователямъ принадлежатъ г. Лучицкій—авторъ интересныхъ работъ о сябренномъ землевладѣніи ¹⁾; г. Василенко, интересовавшійся организаціей скупки земель въ Украинѣ и издатель нѣсколькихъ Генеральныхъ Слѣдствій о маетностяхъ; г. Мякотинъ, авторъ нѣсколькихъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій о крестьянахъ въ гетманщинѣ; въ недавнее время молодой, но очень серьезный ученый В. А. Барвинскій, пишущій по вопросу о закрѣпощеніи малорусскаго

¹⁾ О сябрахъ см. мои Опыты по ист. пр. Малороссіи, Од. 1911 г. стр. 277—292.

крестьянства и отъ прежнихъ изслѣдователей отличающійся выдержанностью метода; высоко интересныя работы г-жи Ефименко въ сравненіи съ названными сочиненіями—болѣе юридическаго характера, но онѣ имѣютъ дѣло скорѣе съ правосознаніемъ народа, а не съ нормами права. Лазаревскому же принадлежали первые труды и по исторіи малорусскаго дворянства. Я имѣю въ виду его небольшія изслѣдованія о сотникахъ и духовенствѣ (Рус. Арх. 1873 г.), его очерки малорусскихъ фамилій, помѣщавшіеся въ Русской и Кіевской Старинѣ за разные годы, особенно же его знаменитыя Описанія Старой Малороссіи въ 3 томахъ. За Лазаревскимъ въ этой области пошла цѣлая шеренга ученыхъ, изъ коихъ наиболѣе замѣтна А. Я. Ефименко и др. Но перечисленные труды по исторіи украинскаго крестьянства и дворянства не могутъ быть названы трудами юридическими. Среди перечисленныхъ изслѣдованій нельзя ни одного поставить наравнѣ напр. съ монографіей проф. Романовича-Славатинскаго о русскомъ дворянствѣ или изслѣдованіемъ Павлова-Сильванскаго о правахъ російскаго дворянства. Къ такому же выводу слѣдуетъ придти и при разсмотрѣніи очень цѣнной литературы, посвященной городскимъ порядкамъ гетманщины. 1) Это образцовыя монографіи проф. Антоновича, Владимірскаго-Буданова, Багалѣя, Молчановскаго и др. Еще исключеніе можно сдѣлать для второго изъ упомянутыхъ ученыхъ, но всѣ прочіе даютъ прекрасныя картины внутренней исторіи, только не юридической.

Такихъ же упрековъ заслуживаютъ даже работы о чисто-юридическихъ явленіяхъ, напр. судебномъ слѣдствіи (ст. В. Антоновича въ К. Ст. за 1886 г.), смертной казни чрезъ сожженіе (ст. Оглоблина, тамъ-же за 1887 г.), о судопроизводствѣ въ Запорожьи (ст. Скальковскаго, тамъ же за 1886 г.), полковомъ судѣ (замѣтка А. Лазаревскаго, ів., 1894), своеземцахъ и иностранцахъ въ Украинѣ (ст. г. Плохинскаго въ III т. Сб. X. И—Ф. Общ. и Харьк. Кал. за 1890 г.) и т. д.

Едва ли не единственнымъ исключеніемъ изъ всѣхъ иногда очень цѣнныхъ изслѣдованій о юридической структурѣ Гетманщины являются работы проф. А. Θ. Кистяковского, разобравшаго источники „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“. Проф. Кистяковский, разумѣется, не первый началъ заниматься внѣшней исторіей малорусскаго права 2), но работы до него, напр. акад. Г. Миллера, разбирававшего вопросъ о подлинности Бѣлоцерковскаго договора

1) Д. П. принадлежит небольшая работа о Новгородѣ-Сѣверскомъ, прочитанная въ видѣ доклада на Черниговскомъ Археологическомъ Съѣздѣ.

2) Г. Кистяковскимъ разсмотрѣны не всѣ источники; на нѣкоторые изъ нихъ я указывалъ въ моемъ Малорусскомъ полкѣ, Од., 1909 г., стр. 237. Ср. и въ Zeit. f. Ost. Gesch., 1914: „Ein vergessenes Jubilaeum“.

(М. 1847), и послѣ него, какъ г. Шафранова, изслѣдовавшаго статьи Богдана Хмельницкаго (К. Ст. 1889), ¹⁾ не могутъ идти въ сравненіе съ упомянутымъ трудомъ, ибо только проф. Кистяковский примѣнилъ историко-юридическій методъ при изученіи права Гетманщины.

Попытка проф. Кистяковского только въ 80-хъ г.г. встрѣтила сочувствіе. Историко-юридическимъ методомъ пользовались г. Д-скій, авторъ очень обстоятельнаго труда о системѣ каръ въ Запорожьи, и г. Теличенко, писавшій о комиссіи по составленію Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ (К. 1889), г. О. Левицкій давшій рядъ интересныхъ работъ, помѣщенныхъ въ Арх. Ю-Зап. Рос., Чт. Ист. Общ. Неис. Лѣтоп. и Кіевской Старинѣ и высоко цѣнное изслѣдованіе о брачномъ правѣ въ Юго-Западной Россіи (К. 1909).

При такихъ обстоятельствахъ приходилось Д. П. выступить на научное поприще. Исторія была перемѣшана съ правомъ до такой степени, что иногда трудно было рѣшить, гдѣ оканчивается первое и начинается второе. Въ работахъ историковъ попадались такіа мѣста, по коимъ можно было автора ихъ считать чистымъ юристомъ (напр. работа проф. Багалія о магдебургскомъ правѣ въ Малороссіи Ж. М. Н. Пр. 1897), а труды юристовъ иногда заставляли въ ихъ авторахъ предполагать чистыхъ историковъ (напр. Владимірскій-Будановъ—Передвиженіе южно-рус. насел. въ эпоху Богдана Хмельницкаго, К. Ст. 1888). При такомъ положеніи вещей попытка разсмотрѣть прошлое Украины съ примѣненіемъ юридическаго метода пріобрѣтала особенное значеніе. Попытка эта (послѣ Кистяковского) принадлежала покойному Д. П. и проведена въ его двухъ главныхъ работахъ—о введеніи статутowychъ судовъ въ Малороссіи и превращеніи украинскаго шляхетства въ руссійское дворянство ²⁾ (какъ извѣстно за обѣ эти работы покойный Д. П. получилъ премію Харьковскаго Земельнаго Банка по отзыву А. М. Лазаревскаго). Впрочемъ нельзя сказать, чтобы юридическій методъ въ указанныхъ трудахъ Д. П. былъ выдержанъ вполне, но Д. П. старался его выдержать. Нельзя сказать и того, чтобы эти труды отличались замѣчательной глубиной анализа. Но въ этомъ не вина Д. П., ибо предшественниковъ у него почти не было, а изучавшаяся имъ область была слишкомъ неизвѣстна. При осторожности, присущей Д. П., онъ не хотѣлъ затемнять дѣла размышленіями, которыя не опирались бы на историческіе факты или не находили бы оправданія въ соотвѣтствующей нормѣ. Поэтому вполне понятно, что Д. П. ограничивался, такъ сказать, только описательной стороною дѣла. Методъ его работъ, стало быть,

¹⁾ О договорѣ Богдана съ Москвою см. мою ст. въ Zeit. f. Ost. Gesch., 1912.

²⁾ Общіе выводы Д. П. по ист. малорус. пр. съ нѣкоторыми очень спорными положеніями изложены въ Ист. Рос., изд. въ VIII т. Народн. Энц.

описательно-юридическій. Отсюда ясно, что Д. П. интересовался не сущностью описываемаго имъ института, а его формальной стороною, его внѣшней конструкціей. Д. П. описывалъ шагъ за шагомъ постепенное развитіе институцій, начиная съ ихъ рожденія, добросовѣстно устанавливая хронологическія вѣхи и тщательно сводя явленія къ ихъ зафиксированнымъ моментамъ—нормамъ. Въ своемъ „Превращеніи малорусской старшины“ онъ, напр., ограничивается лишь минимальнымъ историческимъ введеніемъ, а затѣмъ передаетъ борьбу шляхетства за дворянство, но не въ отдѣльныхъ выступленіяхъ его (на сей счетъ были тароваты прежніе изслѣдователи, описывавшіе даже помѣщеніе для собраній, кафтаны, характеры отдѣльныхъ шляхтичей и т. д.), а въ томъ видѣ, какъ борьба эта выразилась въ законодательныхъ актахъ Россійской имперіи. И такое отношеніе къ дѣлу вполне понятно, ибо акты, издававшіеся императорскою властью въ пользу малорусскаго шляхетства, были базисомъ, на который опирались вождельнія украинскихъ пановъ. Факты собраній, обсужденій, рѣшеній и т. д. шляхетства, можетъ быть, имѣютъ очень большое значеніе для обрисовки культурнаго состоянія общества, его быта, но въ юридическомъ значеніи даже разные шляхетскіе проекты не могутъ считаться хотя бы *lex ferenda*, тѣмъ болѣе, что на юридическій титулъ они въ большинствѣ случаевъ не опирались. Такими же особенностями отличается и вторая работа Д. П. о введеніи статutowыхъ судовъ въ Малороссіи конца XVIII в. И тутъ мы видимъ хронологическія данныя, и тутъ прослѣживаемъ послѣдовательную эволюцію въ области малорусскаго судоустройства, и крайнюю скудость въ исторической части. Все вниманіе Д. П. поглощено было тѣмъ, въ какихъ нормахъ имѣло вылиться новое юридическое явленіе. Бытовая сторона при этомъ отходила въ глубокую перспективу, такъ что читатель ея даже не чувствуетъ, но норма выдвигается на первый планъ. Характерная черта Д. П. въ семъ случаѣ состояла между прочимъ еще въ томъ, что, говоря о нормахъ, Д. П. былъ такъ скупъ на всякіе выводы и объясненія, что его изслѣдованія, сухія и сжатые, могли бы быть названы комментариемъ къ тому или другому закону.

Въ Д. П. чувствовалось отсутствіе общаго базиса, на который опирались бы его изслѣдованія, напр. экономического. Но онъ при жизни не разъ говорилъ, что для этого слишкомъ мало собрано матеріаловъ и что общія предпосылки не всегда проверены. Въ силу такихъ соображеній Д. П. долженъ былъ неминуемо придти къ выводу, что прежде всего необходимо собирать и описывать юридическій матеріалъ. И Д. П. такъ и дѣлалъ. Ему совмѣстно съ Плохинскимъ принадлежало небольшое, но цѣнное изданіе книги справъ

поточныхъ Стародубскаго полка. Названное изданіе лишено комментарія; въ немъ описаны самыя sprawy безъ всякаго измѣненія въ стилѣ. Но это не мѣшаетъ ему быть въ глазахъ украинскаго историка-криминалиста столь же цѣннымъ, какъ напр. „Мѣстечко Борисполе“ г. Стороженка (К., 1892) или недавно изданныя г. Модзалевскимъ актовыя книги Полтавскаго городского уряда (Черн. 1912).

Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности дать исчерпывающаго изложенія заслугъ Д. П. Миллера предъ исторіей украинскаго права. Но одно можно съ несомнѣнностью сказать, что смертью Д. П. пробита крупная брешь въ немногочисленной фалангѣ малорусскихъ историковъ-юристовъ. Пусть же эти немногія строки послужатъ знакомъ глубокаго уваженія передъ памятью Д. П. Миллера, съ которымъ я имѣлъ счастье быть знакомымъ. И несомнѣнно о немъ можно сказать словами старинной думы: „Слава його не вмере, не поляже“.

М. Слабченко.

Димитрій Петрович Миллеръ.

(Биографическій очеркъ)¹⁾.

Згасла лампада, що блимала
лагідно,

Гріла на чесні пориви,
Згасла самотня і згасла не-
гаданно —

Видно, забракло оливи.

Въ ночь съ 13 на 14 іюня прошлаго года послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни скончался одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества Димитрій Петровичъ Миллеръ. Всѣмъ памятно то тяжелое, гнетущее впечатлѣніе, которое произвела эта неожиданная смерть на друзей и многочисленныхъ знакомыхъ покойнаго. Д. П. не достигъ еще 52-лѣтняго возраста, какъ жестокая судьба вырвала его изъ нашихъ рядовъ, его бодрого, жизнерадостнаго, въ расцвѣтѣ творческихъ замысловъ. Невыносимую боль преждевременной утраты переживали всѣ тѣ, которые знали покойнаго, встрѣчались съ нимъ и успѣли уже оцѣнить его, какъ человѣка, а еще тяжелѣе ощущали значеніе совершившагося печальнаго событія тѣ, кому выпала на долю честь быть въ близкомъ общеніи съ покойнымъ, работать на одномъ поприщѣ, жить общими интересами, получать высокое наслажденіе отъ бесѣдъ съ нимъ.

Трудно было примириться съ мыслью о смерти Д. П., въ особенности тѣмъ, которые знали, какъ бодро и хорошо чувствовалъ себя покойный прошлую весною, какъ радостно смотрѣлъ онъ въ глаза будущему, сулящему ему осуществленіе его завѣтныхъ плановъ. Вотъ уже около 8 мѣсяцевъ прошло со дня смерти покойнаго, но все еще грустно дѣлается на сердцѣ при мысли, что Д. П. нѣтъ съ нами, нѣтъ этого живого, разносторонне образованнаго, вдумчиваго и искренняго человѣка; учрежденія, въ которыхъ онъ неутомимо и плодотворно работалъ, полны свѣтлыми неувядаемыми воспоминаніями о

¹⁾ Настоящій некрологъ, представляетъ собою докладъ, читанный въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 10 февраля 1914 года; въ основу его легла статья, напечатанная въ № 11470 „Южнаго Края“ за 1913 годъ.

немъ. Во время засѣданій нашего общества мнѣ кажется, что вотъ, вотъ растворятся двери зала совѣтскихъ засѣданій и свей торопливой походкой, спѣша сюда изъ редакціи, войдетъ Д. П., займетъ свое обычное мѣсто и приготовится внимательно слушать; во время посѣщеній университетской библіотеки мнѣ невольно кажется страннымъ, что я не вижу Д. П., погруженнаго въ свою работу до того, что онъ не видитъ и не слышитъ ничего изъ окружающаго. Мысль обращается къ прошлому; хочется оживить въ памяти образъ нашего почившаго сочлена, какъ ученаго и человѣка, выяснить его значеніе въ наукѣ и жизни. Этой цѣли—т. е. свѣтлой памяти почившаго—и посвященъ мой сегодняшний докладъ.

Д. П. родился 1 ноября 1862 года въ с. Котельвѣ Ахтырскаго уѣзда въ зажиточной дворянской семьѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Ахтырской прогимназіи, откуда поступилъ въ Харьковскую губернскую—нынѣ первую гимназію, по окончаніи которой въ 1882 г. поступилъ на историко-филологическій факультетъ нашего Университета. Въ выборѣ факультета сказалось сознательное продуманное рѣшеніе послѣдняго, такъ какъ еще въ средней школѣ онъ въ особенности интересовался гуманитарными науками. Въ этомъ возрастѣ т. е. въ школьную пору его жизни зародилась у покойнаго любовь къ родной старинѣ, къ прошлому Слобожанщины; эта любовь крѣпла и развивалась подъ вліяніемъ воспоминаній отца о прошломъ и окружающей обстановки. Не надо забывать, что Котельва—мѣстность, богатая историческими воспоминаніями; изъ-за обладанія ею въ XVIII в. Гетманщина спорила со слободскими полками; среди населенія Котельвы жили хотя и смутные воспоминанія и рассказы о прошломъ, тамъ слово Гетманщина не являлось простымъ ничего не говорящимъ сочетаніемъ звуковъ. На первыхъ курсахъ Д. П. не замыкался въ своихъ занятіяхъ въ рамки опредѣленной специальности; его умъ жадно стремился къ знанію и впитывалъ его въ себя съ любовью и увлеченіемъ. Не прошли даромъ для Д. П. студенческіе годы: ему не нужно было жалѣть впослѣдствіи о томъ, что дорогое время для занятій не было использовано, какъ слѣдуетъ. Много и плодотворно работалъ Д. П. въ эти годы: занимался онъ и философійю, и литературой, и всеобщей исторіей, и исторіей церкви. Эти усердныя занятія положили прочное основаніе тѣмъ обширнымъ познаніямъ, которыми Д. П. удивлялъ своихъ друзей и знакомыхъ. Съ глубокой благодарностью вспоминалъ всегда Д. П. о лекціяхъ А. А. Потебни, А. С. Лебедева, В. П. Бузескула, Н. Э. Сумцова и Д. И. Багалъя, оказавшихъ благотворное вліяніе на его духовное развитіе. Приѣздъ изъ Кіева молодого доцента по русской исторіи Д. И. Багалъя, его содержательныя лекціи, интересно поставленныя практическія

занятія, оказали рѣшительное вліяніе на направленіе научныхъ интересовъ Д. П. Онъ сталъ специально заниматься русской исторіей вообще и исторіей Украины въ частности. Подъ руководствомъ Д. И. Багалѣя онъ сталъ работать въ историческомъ архивѣ, привыкая къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ по первоисточникамъ. Научное общеніе съ Д. И. Багалѣемъ, начавшееся на студенческой скамьѣ, не прерывалось до самой смерти покойнаго. Всю свою жизнь онъ поддерживалъ со своимъ учителемъ сердечныя дружескія отношенія и былъ его неизмѣннымъ научнымъ соратникомъ. Д. П. отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ, научной пытливостью, критическимъ чутьемъ, словомъ, обладалъ всѣми необходимыми данными для того, чтобы избрать себѣ научную карьеру. Однако обстоятельства сложились иначе. Физическій недостатокъ покойнаго—глухота—и, главное, его исключительная скромность побудили его отклонить сдѣланное ему предложеніе остаться при Университетѣ. Матеріальная необеспеченность—это бытовое явленіе на тернистомъ пути русскаго ученаго—заставила отказаться отъ мысли о служеніи наукъ и поставила во всей остротѣ вопросъ о средствахъ къ существованію. Семейныя обстоятельства, помимо воли Д. П., сложились такъ, что ему почти не приходилось пользоваться матеріальной поддержкой изъ дома. Такимъ образомъ еще во время пребыванія въ Университетѣ Д. П. долженъ былъ своимъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Будучи на послѣднемъ курсѣ Университета, Д. П. поступилъ ночнымъ корректоромъ въ „Южный Край“. По окончаніи Университета въ 1888 г. Д. П. продолжалъ работать въ газетѣ въ качествѣ старшаго корректора. Тяжелъ былъ трудъ корректора, но онъ давалъ ему необходимыя средства къ жизни. Въ 1890 году Д. П. женился. Трудно было новобрачнымъ прожить первые годы семейной жизни вслѣдствіе матеріальныхъ затрудненій, но Д. П. не падалъ духомъ и не думалъ о перемѣнѣ службы. Педагогическая дѣятельность не привлекала покойнаго, и онъ ея не искалъ. Работая въ газетѣ, Д. П. не оставлялъ и научныхъ занятій: въ свободное время работалъ въ архивѣ и время отъ времени помѣщалъ свои статьи въ „Южномъ Краѣ“.

Черезъ 7 лѣтъ по окончаніи Университета Д. П. удалось найти себѣ занятіе по душѣ и при томъ въ горячо любимомъ имъ Университетѣ: 21 апрѣля 1895 г. онъ былъ опредѣленъ на службу помощникомъ бібліотекаря. Поступивъ на службу въ Университетѣ, Д. П. не терялъ связей съ газетой: изъ корректора онъ сдѣлался ея постояннымъ сотрудникомъ, взявъ на себя обзорѣніе газетъ и журналовъ. Трудоспособность и обширныя познанія создали Д. П. положеніе въ газетѣ; съ конца 1903 года онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ газетѣ, войдя въ составъ ея фактическихъ редакторовъ.

Благодаря поразительной скромности Д. П. весьма многимъ его знакомымъ была неизвѣстна его крупная идейная роль въ „Южн. Краѣ“; самъ покойный не любилъ говорить объ этой сторонѣ своей дѣятельности. Чѣмъ бы ни занимался Д. П., онъ любилъ работать серьезно, не покладая рукъ, не за страхъ, а за совѣсть. Много времени отдалъ Д. П. газетной работѣ, много умственной и нервной силы онъ посвятилъ ей, но все же эта работа не была его истиннымъ призваніемъ, не составляла смысла его жизни. Его подлиннымъ призваніемъ, его любимымъ занятіемъ была научная работа въ области изученія историческаго процесса; покойный преимущественно работалъ въ области исторіи свободской и лѣвобережной Украины, въ дѣло изученія которой онъ внесъ свою значительную лепту.

Это были, такъ сказать, его научные интересы *par excellence*; но въ то же время, какъ пытливый и оригинальный мыслитель, онъ интересовался вообще всей русской исторіей, въ особенности допетровскимъ ея періодомъ, слѣдилъ за всѣми новинками въ этой области и по мѣрѣ возможности изучалъ ихъ. Нужно сказать, что покойный былъ широко образованнымъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, который вдумчиво и серьезно подходилъ къ каждому явленію, стараясь изслѣдовать его причины, поэтому онъ такъ не любилъ верхоглядства и поверхностныхъ неосновательныхъ сужденій. Въ немъ кипѣла неустанная работа творческой мысли, всегда неугомонной, всегда ищущей новыхъ путей.

Покойный обладалъ весьма солидными научными познаніями по русской исторіи, былъ знакомъ съ первоисточниками, отличался незауряднымъ критическимъ талантомъ и, что самое главное, онъ горячо и беззавѣтно любилъ науку. При своихъ познаніяхъ и работоспособности Д. П. легко могъ бы выдержать магистерскій экзаменъ и вступить въ число преподавателей университета, гдѣ онъ съ успѣхомъ могъ бы примѣнить свои богатые дарованія, но судьба, какъ мы видѣли, судила иначе. Благодаря своей исключительной скромности, Д. П. никогда не высказывалъ сожалѣнія по этому поводу. Не имѣя ученой степени, Д. П., тѣмъ не менѣе былъ истиннымъ ученымъ; онъ беззавѣтно любилъ науку, родной университетъ, интересовался его жизнью и сдѣлалъ для науки больше иного прижизннаго ученаго.

Научная работа была для Д. П. пріятнымъ отдыхомъ, любимымъ развлеченіемъ среди повседневныхъ занятій. Мнѣ и многимъ другимъ не разъ приходилось удивляться поразительной работоспособности Д. П., его умѣнію плодотворно работать. Стоитъ только познакомиться съ дневнымъ распорядкомъ покойнаго, чтобы понять причину этого удивленія. День—отъ 10 до 4 час.—Д. П. посвящалъ службѣ

въ университетской библіотекѣ; вечеръ—отъ 7 до 11—12 час.—онъ былъ занятъ въ редакціи, и такъ изо дня въ день, за немногими исключеніями. Тѣмъ не менѣе онъ находилъ время для серьезной научной работы: ей онъ посвящалъ ночные часы по возвращеніи домой и праздники. Возвратившись изъ редакціи, Д. П. почти ежедневно принимался за научную работу и просиживалъ за письменнымъ столомъ въ ночной тиши, ничѣмъ не отвлекаемый, до 3—4 час. ночи. Покойный такъ любилъ работу, что никогда не пользовался полнымъ отдыхомъ: во время отпуска онъ продолжалъ ежедневно посѣщать библіотеку для занятій; если онъ уѣзжалъ изъ Харькова, то это были поѣздки или на археологическіе съѣзды, или въ одинъ изъ городовъ Гетманщины для собиранія историческихъ матеріаловъ.

Какъ только наступало лѣто, покойнаго тянуло поѣхать куда-либо въ глушь лѣвобережья: Глуховъ, Пубны, Переяславъ для поисковъ въ мѣстныхъ архивахъ матеріаловъ для своихъ научныхъ работъ. И онъ ѣхалъ на недѣлку — двѣ отдохнуть отъ напряженной нервной жизни въ большомъ городѣ и порыться въ архивахъ. Покойный любилъ эти тихіе тонушіе въ зелени украинскіе городки: въ нихъ мысль его невольно проникалась воспоминаніями объ ихъ прошлой исторической жизни и такъ хорошо, плодотворно работалось.

Надо было видѣть, какъ любилъ Д. П. эти поѣздки, съ какимъ увлеченіемъ разыскивалъ онъ нужные ему документы въ архивахъ, какъ онъ радовался своимъ находкамъ, извлеченнымъ имъ изъ архива городской управы или даже полицейскаго управленія. Архивная работа была для него истиннымъ удовольствіемъ, высокимъ наслажденіемъ. „Я радъ за Васъ—писалъ онъ мнѣ какъ-то въ Кіевѣ, гдѣ я работалъ въ рукописномъ отдѣленіи университетской библіотеки—что Вы имѣете время и можете работать; это—большое счастье“. Наука для Д. П. была жизненнымъ элексиромъ, вливавшимъ въ него бодрость и энергію.

Какъ бы ни былъ разстроенъ Д. П. или чувствовалъ недомоганіе, онъ всегда оживлялся, когда рѣчь заходила о наукѣ, когда затрагивался какой-нибудь научный вопросъ; сужденія его всегда отличались самостоятельностью. Покойный не любилъ идти готовымъ путемъ; менѣе всего ему свойственно было *jurare in verba magistri*, и это вызывалось не стремленіемъ къ оригинальности во что бы то ни стало, а необыкновенной научной пытливостью; это было отличительное свойство его критически мыслящаго ума. Много разъ приходилось мнѣ бесѣдовать съ покойнымъ по различнымъ спорнымъ вопросамъ русской исторіи, и я всегда удивлялся ясности и строгой логичности его мысли, остроумнымъ догадкамъ и объясненіямъ, его огромной

освѣдомленности. Я многимъ обязанъ личнымъ бесѣдамъ съ покойнымъ: очень часто послѣ нихъ то, что касалось непонятнымъ и запутаннымъ, дѣлалось простымъ и яснымъ.

Какъ жаль, что многія высказанныя имъ въ частныхъ бесѣдахъ интересныя мысли и соображенія по различнымъ историческимъ вопросамъ не получили дальнѣйшаго развитія въ печатныхъ трудахъ, благодаря недостатку свободного времени у покойнаго.

Д. П. обладалъ даромъ исторической дивинаціи: по уцѣлѣвшимъ фрагментамъ прошлаго, по отрывочнымъ указаніямъ источника онъ рисовалъ цѣльную, полную жизни картину,—при этомъ онъ иногда прибѣгалъ къ языку данной эпохи, такъ какъ онъ владѣлъ превосходно и приказною рѣчью Московской Руси, и канцелярскимъ слогомъ эпохи Петра, и языкомъ мѣстныхъ учрежденій Гетманщины.

Вращаясь всю свою жизнь среди книгъ, Д. П., благодаря своей огромной начитанности и незаурядному критическому чутью, приобрѣлъ особый навыкъ. Стоило только взять ему въ руки только что вышедшее историческое изслѣдованіе, перелистать его, какъ ему сразу становились замѣтными промахи и ошибки автора. Опредѣленное мнѣніе о книгѣ онъ выносилъ послѣ основательнаго знакомства съ нею. Интересно было слушать его отзывы какъ въ томъ случаѣ, когда онъ одобрялъ книгу, такъ и въ томъ, когда характеризовалъ ее словами: „Это чепуха“, потому что въ защиту своего мнѣнія онъ приводилъ серьезные доводы.

Въ лицѣ Д. П. русская историческая наука понесла тяжелую утрату. При другихъ условіяхъ, если бы Д. П. всецѣло могъ отдаться научной работѣ, онъ, несомнѣнно, составилъ бы себѣ крупное имя. У насъ же многіе не знали о скромномъ научномъ труженикѣ, усердно продолжавшемъ свои труды. Свои работы онъ посвятилъ исторіи Украины, которую такъ горячо любилъ. Хотя онѣ и не написаны на украинскомъ языкѣ, однако извѣстны всякому культурному украинцу, интересующемуся прошлымъ родного края.

На научномъ поприщѣ Д. П., какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, дебютировалъ историческими фельетонами въ „Южномъ Краѣ“, матеріаль для которыхъ онъ черпалъ въ историческомъ архивѣ. Но это были первоначальныя робкія пробы пера. Первая научная статья Д. П. была напечатана въ „Кіевской Старинѣ“ за 1892 годъ подъ заглавіемъ: „Голштинскіе наборы въ Малороссіи“. Статья эта посвящена любопытному эпизоду изъ исторіи Гетманщины второй половины XVIII ст., когда голштинская пѣхота и кавалерія едва не были пополнены вслѣдствіе указа Петра III нѣсколькими сотнями малоросійскихъ жителей, тѣшившихъ себя по этому поводу широкими планами и надеждами, если бы переворотъ 1762 года не разрушилъ

затѣи императора. Съ этого времени Д. П. не оставляетъ своихъ работъ по внутренней исторіи Украйны: благо—цѣлый рядъ перво-степенныхъ вопросовъ манили къ себѣ изслѣдателя и ожидали своего освѣщенія, а подъ руками было такое богатое собраніе актовъ, какъ нашъ историческій архивъ. Я коснусь здѣсь только главныхъ работъ Д. П. по исторіи Лѣвобережья. Ихъ двѣ: „Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе въ XVIII в.“ Харьковъ. 1895. и „Превращеніе казацкой старшины въ дворянство.“ Кіевъ. 1897., объединенныя подъ общимъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи“. Въ этихъ монографіяхъ разработаны два кардинальных вопроса внутренней исторіи Гетманщины, всесторонне, талантливо, съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Въ первой работѣ авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за постепеннымъ превращеніемъ казацкой старшины въ дворянство, какъ изъ среды „чумазыхъ“—по картинному выраженію Д. П., изъ среды казачества она выдѣлилась и какими правдами и неправдами старалась проникнуть въ ряды благороднаго російскаго дворянства. Яркими красками очерчены въ этой работѣ настроеніе украинскаго общества и отношеніе къ его стремленіямъ правительственной власти.

462818. Во второй работѣ изложены причины введенія судебной реформы 1763 года, возстановившей статутные шляхетскіе суды, опредѣлена ихъ компетенція, организація, затронуть вопросъ о томъ, насколько новые суды удовлетворяли своему назначенію; при этомъ автору пришлось изложить въ краткихъ чертахъ исторію судопроизводства и до реформы. Обѣ указанныя работы написаны на основаніи широкаго изученія архивныхъ данныхъ. Вслѣдствіе авторитетнаго отзыва извѣстнаго знатока украинской исторіи А. М. Лазаревскаго, признавашаго за ними крупное значеніе, эти работы были удостоены преміи въ память царствованія Императора Александра II, учрежденной харьковскимъ земельнымъ банкомъ. Въ мелкихъ статьяхъ своихъ, какъ, напр.: „Пикинерія“ „Хозяева и постояльцы“, „Къ исторіи Новгорода-Сѣверскаго, и др. Д. П. всегда освѣщалъ то или другое явленіе на фонѣ общей жизни страны въ разсматриваемое время, поэтому онѣ представляютъ большой интересъ и для неспеціалистовъ.

Вмѣстѣ съ покойнымъ М. Плохинскимъ Д. П. издалъ въ 6 т. Собрн. Харьк. Ист. Фил. Общ. (Харьковъ. 1894 г.) „книгу справъ поточныхъ Стародубскаго магистрата“ (1690—1722 г.г.), цѣнный памятникъ для исторіи магистратскаго управленія. Послѣдніе годы своей жизни покойный интересовался изданіемъ памятниковъ: его занимала мысль объ изданіи статистико-экономическаго описанія Полтавы второй половины XVIII в., рукописи нашего архива, съ обстоятельнымъ введеніемъ—комментаріемъ. Архивистъ по призванію, Д. П. всегда

живо интересовался архивным дѣломъ въ Россіи, въ особенности интересовала его печальная судьба дворянскихъ фамилныхъ архивовъ, гибнущихъ нерѣдко благодаря небрежности ихъ владѣльцевъ. Поэтому онъ охотно принялъ предложеніе Императ. Москов. Археол. Общества къ XII Археологическому съѣзду ознакомиться съ состояніемъ архивовъ въ Харьковской губерніи. Лѣтомъ 1900—1901 г.г. Д. П. совершилъ поѣздку по сѣверо-западнымъ уѣздамъ губерніи для осмотра казенныхъ и частныхъ архивовъ; результатомъ этой поѣздки явилась книга: „Архивы Харьковской губерніи“. Харьковъ. 1902 г., содержащая подробныя свѣдѣнія объ осмотрѣнныхъ авторомъ архивахъ, наиболѣе интересные документы которыхъ приведены цѣликомъ или въ выдержкахъ.

Колоссальную массу труда и энергіи затратилъ Д. П. на составленіе капитальной исторіи гор. Харькова (т. I и II, Харьковъ. 1906 и 1912 г.г.), дважды удостоенной преміи въ память Имп. Александра II. Какъ въ первомъ, такъ въ особенности во второмъ томѣ Д. П. написанъ рядъ весьма важныхъ и отвѣтственныхъ главъ, что составляетъ въ общей сложности 93 печатныхъ листа. Д. П. съ честью вышелъ изъ всѣхъ трудностей работы, преодолѣлъ огромный матеріалъ, часто далеко отстоящій отъ интересовъ его спеціальности, и составилъ рядъ очерковъ-монографій, читающихся съ неослабѣвающимъ вниманіемъ; это—главы по исторіи харьковской администраціи, городского самоуправления и хозяйства, исторіи церкви и духовенства. Въ нихъ мы находимъ рядъ блестящихъ характеристикъ представителей администраціи и мѣстнаго общества; причемъ эти главы имѣютъ не только спеціально-мѣстный интересъ: вѣрный своей общей точкѣ зрѣнія, Д. П. сначала говоритъ вообще о развитіи губернскихъ и городскихъ учреждений, а затѣмъ уже переходитъ къ характеристикѣ этихъ учреждений въ Харьковѣ; въ концѣ почти каждой главы находятся любопытные прогнозы о будущемъ. Въ Д. П. талантъ спеціалиста-ислѣдователя соединялся съ талантомъ популяризатора. Блестящее доказательство своей популяризаторской способности Д. П. далъ въ написанныхъ имъ главахъ по русской исторіи въ изд. „Народной энциклопедіи“. Къ этой работѣ покойный относился съ особымъ увлеченіемъ и любовью. Надо сказать, что Д. П. былъ большимъ мастеромъ русскаго слога; онъ зналъ его красоты и умѣлъ ими пользоваться. Работы его много выигрываютъ, благодаря прекрасному художественному языку, которымъ онѣ написаны. Какъ на образецъ художественной прозы можно указать на опытъ блестящей характеристики жизни и дѣятельности Х. Д. Алчевской; это—лебединая пѣсня творчества покойнаго.

Я позволю привести здѣсь начало этой статьи, гдѣ авторъ въ яркой образной формѣ рисуесть настроеніе русскаго общества въ 60-е годы.

„То было раннею весною. Рѣка еще лежала скованная льдомъ; но солнце свѣтило ярко, а въ пригрѣтой его лучами землѣ кипѣли молодая свѣжія силы, готовые начать великую созидательную работу. Былъ какъ разъ канунъ того момента, когда, по словамъ поэта, въ долину бѣдныхъ пастуховъ спускается

Ein Mädchen schön und wunderbar.

Она несла бѣднымъ пастухамъ лучшій даръ—свободу. И пастухи ждали ее съ благоговѣніемъ. Счастливое время! Бодрое время!“ ¹⁾.

Послѣдніе годы покойный былъ занятъ собираніемъ матеріаловъ къ задуманному имъ изслѣдованію о цехахъ въ Гетманщинѣ. При каждой встрѣчѣ со мною покойный неизмѣнно говорилъ объ этой работѣ, развивалъ ея планъ, высказывалъ различныя соображенія. Онъ хотѣлъ поставить ее на широкую основу сравнительно-историческаго изученія. Уже много было собрано матеріаловъ, однако, Д. П. мечталъ о поѣздкѣ въ Москву для занятій въ архивѣ министерства юстиціи. Безжалостная смерть прервала эти планы и лишила науку цѣннаго труда, составленіе котораго покойный считалъ своимъ долгомъ передъ родиной ²⁾. „Уплативъ этотъ долгъ,—говорилъ онъ—я могу умереть спокойно“.

Покойный былъ не только талантливымъ ученымъ, но и рѣдкимъ въ наше время обаятельнымъ по своей душевной чистотѣ, цѣльнымъ человѣкомъ. Еще сравнительно недавно взяла его смерть отъ насъ и не трудно возстановить въ памяти его чарующій образъ. У покойнаго умственное воспитаніе соединялось неразрывно съ нравственнымъ, поэтому онъ казался, какъ бы отлитымъ изъ одного металла безъ всякихъ постороннихъ примѣсей, поэтому онъ былъ такою свѣтлою, кристально-чистою личностью. Такое впечатлѣніе Д. П. производилъ на всѣхъ окружающихъ, даже на тѣхъ, которые не имѣли возможности ближе узнать его, оцѣнить его рѣдкія достоинства; близко знать Д. П.—значило полюбить его, привязаться къ нему всею душою.

Достигнувъ путемъ продолжительнаго упорнаго труда извѣстнаго общественнаго положенія, Д. П. въ личной своей жизни продолжалъ оставаться тѣмъ же скромнымъ, умѣреннымъ въ своихъ

¹⁾ Христина Даниловна Алчевская. М. 1912 г., стр. 4.

²⁾ Къ сожалѣнію, среди бумагъ Д. П., поступившихъ въ распоряженіе Ист.-Фил. Общ., не оказалось полностью собранныхъ имъ и отчасти обработанныхъ матеріаловъ по исторіи цеховъ въ Гетманщинѣ, и общество лишено поэтому возможности издать цѣликомъ документы, съ такою любовью собранные покойнымъ.

потребностяхъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ послѣ окончанія университета, когда его не баловала судьба. Занимая видное положеніе въ редакціи „Южнаго Края“ въ качествѣ идейнаго руководителя газеты, покойный, благодаря своей исключительной скромности, довольствовался вознагражденіемъ, не вполне соответствующимъ приносимой имъ пользѣ. Скромность была отличительной доминирующей чертой покойнаго. Человѣкъ серьезнаго труда, заполнявшаго безъ преувеличенія все время, Д. П. искренне радовался, когда въ другихъ видѣлъ любовь къ труду и внимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Самъ же онъ относился къ себѣ съ чрезвычайной требовательностью; ему все казалось, что онъ „сотворилъ не все повелѣнное“ ему. Говоря о своихъ научныхъ трудахъ, Д. П. не отводилъ имъ заслуженнаго мѣста въ украинской исторіографіи, хотя они и встрѣтили благосклонный пріемъ со стороны научной критики:— онъ склоненъ былъ отмѣчать ихъ недостатки и промахи. Искренне и глубоко огорчился покойный, когда люди, мало знавшіе его, называли его профессоромъ—это часто случалось на археологическихъ сѣздахъ,—бывали такія ошибки и въ печати. Нѣкоторые профессора историко-филологическаго факультета предлагали покойному выдержать магистерскій экзаменъ, чтобы сбѣявить спеціальнѣйшій курсъ въ университетѣ; но Д. П. оставался непреклоннымъ, считая себя непригоднымъ къ преподаванію. Судьба не дала ему возможности принимать активное участіе въ университетской жизни въ качествѣ ея строителя; но онъ былъ истиннымъ, если можно такъ выразиться, университетскимъ человѣкомъ, беззавѣтно преданнымъ своей *almae matris*. „Я люблю Университетъ—говорилъ не разъ Д. П.—больше всего въ жизни“, и это были не одни только слова: за ними скрывалась подлинная правда, которая заставляла его мучительно переживать университетскія нестроенія въ смутную пору академической жизни. Больше всего, естественно, интересовался покойный жизнью близкаго и роднаго ему историко-филологическаго факультета. Покойный былъ добрымъ отзывчивымъ человѣкомъ, готовымъ прійти на помощь нуждающемуся словомъ или дѣломъ. Нѣкоторые даже злоупотребляли добротой Д. П.; но онъ оставался все тѣмъ же неисправимымъ оптимистомъ, сохраняя непоколебимую вѣру въ жизнь и людей, въ то, „что буде правда на землѣ“. Въ особенности охотно помогалъ онъ своими авторитетными указаніями и совѣтами лицамъ работающимъ въ области украинской исторіи. Надо сказать, что всѣ они были непремѣнно знакомы съ Д. П.,—да иначе и быть не могло: Такъ повелось съ давнихъ поръ, что Д. И. Багалъйи рекомендовалъ своимъ ученикамъ обязательно побесѣдовать и съ Д. П. Нечего и говорить, что научное общеніе съ Д. П. было только лишь полезно какъ

для начинающих работников, такъ и для искушенныхъ въ этой области.

Д. П. былъ прямымъ, откровеннымъ, въ высшей степени правдивымъ человекомъ. Онъ органически не переносилъ лжи, фальши, лести и всякаго рода подхалимства. Люди, въ которыхъ онъ замѣчалъ неискренность и лицемеріе, теряли въ его глазахъ всякое значеніе. Всегда мягкій, корректный, джентльменъ съ головы до ногъ, Д. П. иногда способенъ былъ высказать рѣзкую правду въ глаза безъ всякихъ обиняковъ. Въ жизни всегда шелъ онъ прямыми путями, терпимой трудовой дорогою, не забывая ясно намѣченной цѣли, избѣгая извилистыхъ тропинокъ. Какъ святая святыхъ, донесъ онъ до могилы цѣльность и чистоту своей нравственной личности. „На благородные порывы способна русская душа—писалъ Д. П. въ біографіи Х. Д. Алчевской—но зато какъ коротки эти порывы, какъ быстро стынуть самыя горячія чувства подъ вліяніемъ неудачъ. Только немногіе способны... довести до конца задуманное дѣло, особенно если его осуществленіе не вызываетъ ни кликовъ восторга, ни апплодисментовъ толпы“. ¹⁾ Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ и самъ Д. П. Онъ трудился не ради наградъ и похвалъ, а ради самой науки, скромно и тихо выполняя свой долгъ.

Въ немъ жила удивительная юношеская свѣжесть и бодрость. Рѣдко его можно было видѣть угрюмымъ, подавленнымъ, желчно настроеннымъ. Чаще всего я представляю себѣ Д. П. какъ веселаго, жизнерадостнаго, оживленнаго человека. Такимъ я много разъ видѣлъ Д. П. въ университетской бібліотекѣ во время занятій: онъ дѣлился со своими сослуживцами послѣдними новостями, шутилъ, смѣялся.

Д. П. былъ мастеръ написать въ веселую минуту шутовское прошеніе въ правленіе Университета языкомъ XVII ст. объ увеличеніи содержанія или по другому какому поводу, напр. о томъ, что онъ, холопъ Государевъ, „Митька Миллеръ, верстанъ въ прошлыхъ годѣхъ въ Харьковскую книжную палату, въ великаго Государя службу“, а нынѣ, вслѣдствіе притѣсненій приказныхъ людей, которые „емлютъ продажи и убытки чинятъ великіе ему Государеву службу служить не ис чево“ и т. д.

По своимъ убѣжденіямъ Д. П. являлся хранителемъ лучшихъ завѣтовъ русской интеллигенціи, но въ то же время былъ чуждъ всякой партійности. Въ сѣрыя будни нашего безвременья онъ никогда не терялъ вѣры въ свѣтлое будущее родины. Д. П. былъ рѣдкимъ въ наше время человекомъ, цѣльнымъ, чуждымъ всякихъ компромиссовъ. И онъ ушелъ отъ насъ—больше мы не увидимъ до-

¹⁾ Х. Д. Алчевская, стр. 7.

рогого Д. П., не услышимъ его голоса; теперь „душа его тамъ, гдѣ любовь и покой, гдѣ нѣтъ ни тревогъ, ни волненій, ни безумной печали людской, ни страстныхъ людскихъ наслажденій“. Спи спокойно, дорогой другъ и наставникъ! Кроткій незлобивый духъ Д. П. нашель себѣ успокоеніе у престола Высшей Справедливости; намъ же въ наслѣдіе остались творенія его мысли и память объ его свѣтломъ чарующемъ образѣ. Скорбь о почившемъ до нѣкоторой степени смягчается сознаніемъ, что онъ честно трудился всю жизнь для науки и общества и своею жизнью показалъ намъ примѣръ, какъ нужно жить и работать.

Да будетъ легка ему земля!

В. А. Барвинскій.

Приводимъ списокъ печатныхъ трудовъ Д. П. Миллера ¹⁾.

- 1) Голштинскіе наборы въ Малороссіи. Кіевъ, 1892, (изъ „Кіевской Старины“).
- 2) А. Г. Разумовскій. Харьковъ. 1893.
- 3) Стародубскаго магистрата книга справъ поточныхъ (1690—1722 г.г.). Введеніе и текстъ; издана въ сотрудничествѣ съ М. Плохинскимъ. Харьковъ, 1894, (изъ VI т. Сбсрн. Харьк. Ист. Фил. Общ.).
- 4) Заселеніе Новороссіи и Потемкинъ. Харьковъ. 1895.
- 5) Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. I. Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII в. Харьковъ, 1895, (изъ VIII т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ.).
- 6) Очерки изъ исторіи и т. д. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. Кіевъ, 1897, (изъ „Кіевской Старины“).
- 7) Пикинерія. Кіевъ, 1899, (изъ „Кіевской Старины“).
- 8) Арестъ и ссылка В. Н. Каразина („Историч. Вѣстн.“ 1900, № 3).
- 9) В. Н. Каразинъ и князь П. И. Трубецкой („Историч. Вѣстн.“ 1900, № 6).
- 10) Архивы Харьковской губерніи. Харьковъ, 1902, (изъ XIII т. Сбср. Харьк. Ист. Фил. Общ.).
- 11) Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія т. I. Харьковъ, 1905, (Д. П. написаны 5 главъ: 5-я, 6-я, 7-я, 8-я и 10-я).
- 12) Хозяева и постояльцы. Харьковъ, 1909, (изъ XVIII т. Сборн. Харьк. Ист. Филол. Общ.).

¹⁾ Къ сожалѣнію, не удалось собрать свѣдѣній о статьяхъ Д. П., напечатанныхъ за различные годы въ „Южномъ Краѣ“.

13) Къ исторіи Новгорода Сѣверскаго. М. 1910, (изъ III т. „Трудовъ XIV Археол. Съѣзда“).

14) Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія т. II. Харьковъ, 1912, (Д. П. принадлежитъ 10 главъ: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 25-я и 26-я).

15) Народная энциклопедія, т. VIII. Историческій, полутомъ 2. Русская Исторія. М. 1912, (главы: 3-я, 4-я, 5-я, 9-я, 10-я, 11-я и 14-я).

16) Христина Даниловна Алчевская. Къ пятидесятилѣтію педагогической дѣятельности. М. 1912, (изъ сборника „Общее Дѣло“).

17) Д. И. Багалъй и Слободская Украина. Харьковъ. 1912. (изъ XX т. Сборника Харьков. Историко-Филолог. Общества).

V.N. Karazin Kharkiv National University

00673525

4